

А. Б. Шлуинский

ФАКТАТИВ И СМЕЖНЫЕ КАТЕГОРИИ: ОПЫТ ТИПОЛОГИИ¹

1. Фактатив: нефиксированная собственно видовая и временная интерпретация

Предметом рассмотрения настоящей работы является глагольная категория так называемого фактатива — глагольных форм, имеющих, в зависимости от семантических свойств глагольной лексики, либо временную референцию к настоящему и имперфективную интерпретацию длящегося состояния или процесса, либо временную референцию к прошлому и перфективную интерпретацию завершенной ситуации.

Сам термин «фактатив» был предложен на материале ряда языков различных семей Тропической Африки (но в первую очередь — языков игбо и йоруба игбоидной и дефоидной ветвей семьи бенуэ-конго, соответственно) в работе [Welmers 1973], ср. характеристику глагольных форм, о которых идет речь, из этой работы: «В некоторых языках используется единая конструкция для референции к прошедшему времени для активных глаголов и к настоящему времени для стативных глаголов»² [Welmers 1973:

¹ Материалы к настоящей работе — в крайне предварительном варианте — обсуждались на конференции «Проблемы типологии и общей лингвистики» в 2006 г. в Санкт-Петербурге и были опубликованы в [Шлуинский 2006]. Автор выражает глубокую признательность всем участникам обсуждения. Эмпирическая база для настоящей работы была существенно расширена благодаря возможности работать в библиотеке Института эволюционной антропологии (г. Лейпциг) с грамматическими описаниями языков мира и более частными описательными работами. Отдельная благодарность М. А. Даниэлю, В. А. Плунгяну и Н. М. Стойновой, прочитавшим текст статьи и поспособствовавшим ее улучшению.

Работа выполнена в рамках проекта РГНФ №12-34-01255 и частично в рамках проекта РГНФ №10-04-00269а.

² «Some languages use a single construction to refer to past time for active verbs and present time for stative verbs».

348]. Ср. также определение, предлагаемое в обзоре африканских глагольных систем в [Плунгян 2003: 32]: «Фактативные показатели ⟨...⟩ совмещают перфектив и дуратив. ⟨...⟩ В случае фактатива выбор конкретной аспектуальной интерпретации непосредственно зависит от семантического типа предиката: события и предельные процессы в комбинации с показателем фактатива выражают перфектив ⟨...⟩, тогда как непредельные процессы и состояния в комбинации с показателем фактатива выражают дуратив», — и определение, предлагаемое в [Nurse et al. Ms.]: «Фактатив имеет два характеризующих признака. С формальной точки зрения, он почти всегда представляет собой немаркированную форму — либо имеющую нулевое маркирование, либо, по крайней мере, наименее маркированную аспектуальную форму в языке. В частности, он обычно не маркирован в отличие от Имперфектива. С функциональной точки зрения, при сочетании с нестативными, или динамическими, глаголами он выражает законченные ситуации в прошлом, но при сочетании со стативными глаголами — текущие, незаконченные, состояния не в прошлом — то есть в настоящем или будущем»³.

Выясняется, однако, с одной стороны, что выбор интерпретации фактативных форм устроен не одинаково во всех языках, где такие формы есть, и не сводим во всех случаях к понятию событийности⁴ (или (не)предельности) глагольной лексемы или ее

³ «Factative has two characteristic features. Structurally, it is nearly always an unmarked form, either a zero form or the least marked aspectual form in a language. In particular, in contrast with Imperfective, it will generally be the unmarked form. Functionally, when used with non-stative or dynamic verbs, it typically represents past, complete, situations, but when used with stative verbs, it represents current, non-past, incomplete, states, that is, presents or futures».

⁴ В настоящей работе под событийными глаголами мы понимаем глаголы, способные выражать резкое изменение действительности (представленное в языке как моментальное/точечное), а под несобытийными — глаголы, выражающие лишь не ограниченные ни «сверху», ни «снизу» процессы или состояния. Так, если классифицировать предикаты в терминах классических вендлеровых классов, то accomplishments и achievements для нас событийные, а states и activities — несобытийные. Термин «событийность» мы используем во избежание тяжелой неоднозначности, связанной с более привычным термином «предельность» в его русско-

«активности» vs. «стативности», а с другой стороны — что глагольные формы, содержательно сходные с теми, на материале которых был предложен термин «фактатив», представлены и за пределами африканского ареала. В настоящей работе мы, в связи с этим, ставим перед собой задачу типологического обзора фактативных форм — во-первых, с иллюстрацией типологически засвидетельствованных различных случаев организации выбора аспектуальной интерпретации фактативной формы, а во-вторых, по возможности — с привлечением ареально и генетически различного языкового материала. При этом, в силу того, что настоящая работа, насколько нам известно, представляет собой первый опыт типологии фактатива⁵, мы сознаем ее предварительный характер и, в частности, намеренно отказываемся от построения сбалансированной типологической выборки, ограничиваясь рассмотрением известных нам случаев фактатива (в разделе 2) и категорий, имеющих с ним содержательное сходство (в разделе 3). Необходимо также оговорить, что, как это часто бывает в случае типологического исследования, приводимый в работе материал в основном почерпнут из имеющейся литературы — грамматических описаний или более частных работ, рассматривающих конкретные глагольные системы; вторичные языковые данные имеют множество общеизвестных недостатков, в частности — всегда представляют собой крайне ограниченный корпус примеров, что ведет к неизбежным погрешностям и неточностям в интерпретации языковых фактов. В связи с этим мы отдаем себе отчет в том, что «функционал» настоящей работы — лишь обозначить пространство типологических возможностей, но не дать достоверную интерпретацию конкретным фактам рассматриваемых языков.

Лингвистической литературы, предметом рассмотрения в которой становился бы фактатив, как уже было сказано, немного.

язычном варианте. «Событийность» в нашем понимании в целом соответствует англоязычному термину *telicity* (так, в обсуждаемой ниже работе [Bohnenmeyer, Swift 2004] речь идет именно о противопоставлении *telic* vs. *atelic*), хотя и у этого термина, как и у большинства широко используемых терминов, возможны нетождественные значения.

⁵ Сходные с фактативом, но все же не тождественные ему, случаи «перфектно-прогрессивной полисемии» (см. 3.2) рассматриваются в типологической статье [Ebert 1995].

Помимо уже названных работ [Welmers 1973; Плунгян 2003], где фактатив включается в типологический обзор категорий африканского глагола, следует упомянуть соответствующий раздел монографии [Marchese 1986: 30–39], где рассматриваются фактативные формы в языках кру. Автор показывает, что категория фактатива, предложенная У. Велмерсом, широко представлена в языках данной семьи с тем же выбором аспектуальной интерпретации в зависимости от стативности vs. динамичности глагола, и проводит аналогии с некоторыми категориями языков других семей и ареалов. Интересно сделанное в этой работе наблюдение, свидетельствующее в пользу единства фактатива как категории и состоящее в том, что в языках кру фактативные формы имеют общий, независимо от аспектуальной интерпретации, отрицательный аналог, формально противопоставленный отрицанию других видо-временных категорий.

Из более новых работ назовем, прежде всего, статью [Bohnenmeyer, Swift 2004], где для фактативных форм языка инуктитут (диалект таррамит) предлагается термин «дефолтный вид» и предпринимается попытка формально-семантического анализа этой категории. Суть этого анализа состоит в том, что данная видовая категория не является ни перфективным, ни имперфективным видовым оператором, а принимает то видовое значение, которое является дефолтным для соответствующей глагольной лексемы — в случае инуктитут, на материале которого базируется анализ авторов, решающим фактором оказывается событийность глагола. Данная интерпретация перекликается с наблюдением, сделанным в [Welmers 1973: 346], о том, что в случае фактатива «конструкция выражает наиболее очевидный факт, связанный с рассматриваемым глаголом, который в случае активных глаголов состоит в том, что действие наблюдалось или имело место, но в случае стативных глаголов — в том, что имеет место в настоящем»⁶. С идеей дефолтной интерпретации непосредственно связано сделанное в [Плунгян 2003: 32–33] (в том числе и на материале данных, обсуждаемых в книге У. Велмерса) наблюдение о том, что «фактатив очень часто выражается ⟨...⟩ немаркирован-

⁶ «The construction expresses the most obvious fact about the verb in question, which in the case of active verbs is that the action was observed or took place, but for stative verbs is that the situation obtains at present».

ной формой глагола, т. е. ему соответствует либо нулевой показатель, либо морфологически наиболее элементарная конструкция» (см. также приведенную выше цитату из [Nurse et al. Ms.]). Действительно, вполне естественно ожидать, что если в языке есть некая «немаркированная» видо-временная форма, то она должна вводить семантически наименее маркированную интерпретацию соответствующего лексического значения. Примечательно, что и в языке инуктитут, материал которого рассматривается в [Bohnenmeyer, Swift 2004], речь идет о глагольной форме с нулевым маркированием.

Напомним, однако, что, как было уже сказано, «границей», разделяющей глагольные лексемы, имеющие перфективную vs. имперфективную интерпретацию фактатива, могут быть различные (и даже не всегда очевидные) семантические признаки, — следовательно, невозможно говорить о некоей априорно заданной универсальной дефолтной аспектуальной интерпретации данного лексического значения, скорее — о концептуализации данного лексического значения в определенном языке как дефолтно-перфективного или дефолтно-имперфективного. В связи с этим фактатив представляет здесь особый интерес (хотя, как известно, практически любая аспектуальная категория может оказаться релевантной для таксономической классификации глагольной лексики в конкретном языке).

Среди более частных публикаций, связанных с темой настоящей работы, отметим статьи [Выдрин 2010; Jóhannsdóttir, Matthewson 2008]. Предметом рассмотрения первой из них является «нейтральный вид» в языке дан-гуэта. Наиболее интересный общий факт, на который обращает внимание автор, состоит в том, что, помимо имперфективной (в частности, прогрессивной) и перфективной (в частности, в определенном контексте, перфектной) интерпретаций, у фактативной формы возможны и более частные значения — в том числе хабитуальное, доступное в дан-гуэта для фактатива, образованного от всякого глагола. С другой стороны, материал дан-гуэта интересен и тем, что наглядно показывает, что нестабильная аспектуальная интерпретация не всегда однозначно задает темпоральную: имперфективная интерпретация фактатива возможна в этом языке как с референцией к настоящему, так и с референцией к прошлому. Предметом рассмот-

рения второй статьи выбрана форма «нулевого времени» в языке гитксан (Gitksan; цимшианская группа семьи пенути, Канада). По данным авторов, в этом языке выбор интерпретации «нейтральной» видо-временной формы не закреплен за глагольной лексемой жестко, но есть две группы глаголов, имеющие противоположные друг другу основные, крайне предпочтительные интерпретации; в рамках настоящей работы мы классифицируем такого рода случаи не как фактатив, а как небудущее время (см. 3.1), но важно, что наглядно продемонстрирована их несомненная функциональная близость к фактативу.

Обозначим, отчасти повторяясь, характеристики глагольных форм, принимаемых нами «к рассмотрению» в качестве частных случаев фактатива:

— глагольная форма имеет две возможных аспектуальных интерпретации: перфективная (при которой ситуация, предшествующая моменту речи, рассматривается как завершенная) и имперфективная (при которой рассматривается длящаяся фаза ситуации, включающая момент речи); как правило, каждая из аспектуальных интерпретаций влечет за собой и темпоральную: перфективная аспектуальная интерпретация предполагает временную референцию к прошлому, а имперфективная — скорее к настоящему;

— доступность той или иной из этих двух возможных интерпретаций связана с семантическими свойствами конкретной глагольной лексемы;

— ни одна из этих двух возможных интерпретаций не имеет дополнительных, более тонких, семантических особенностей (в частности, не является перфектной или прогрессивной);

— рассматриваемая глагольная форма является основной в глагольной системе и в определенном смысле употребляется «по умолчанию» в контекстах, не требующих употребления модально-видо-временных форм с более сложными значениями.

Отличительной особенностью аспектуальных систем с фактативом является тот факт, что видо-временные глагольные формы, описывающие единичное событие, в них принципиально не делятся, по крайней мере без остатка, на перфективные и имперфективные.

Одна возможность состоит в том, что фактатив, перфективный или имперфективный ракурс которого задается параметрами лексической семантики глагола (конкретнее — акциональностью глагола), может быть противопоставлен и имперфективным (например, прогрессиву), и перфективным (например, перфекту) категориям. Системы такого рода рассматриваются нами в 2.1.

Вторая, более экзотическая, возможность, обсуждаемая в 2.2, имеет место в тех случаях, когда аспектуальная интерпретация фактатива (влекущая за собой временную интерпретацию или ограничения на нее) задана независимыми от него аспектуальными свойствами глагольной лексемы или предикации. Один из вариантов здесь представлен в системах со словоклассифицирующей категорией «собственно вида», в которых интерпретация фактатива определяется перфективностью vs. имперфективностью глагольной лексемы. Более сложный, но сходный случай имеет место, когда видовой ракурс частично задается глагольной аспектуальной деривацией, которая определяет и интерпретацию фактатива. Наконец, аспектуальная интерпретация предикации, в том числе и с фактативом, может быть задана аспектуальным показателем, категориально независимым от фактатива.

Помимо фактатива, в разделе 3 данной работы мы рассматриваем также ряд случаев, которые не являются примерами фактатива как такового, но имеют общие с фактативом существенные свойства: возможность временной референции и к прошедшему, и к настоящему и возможность и перфективной, и имперфективной аспектуальной интерпретации. Это, прежде всего, случаи форм «небудущего времени» (обсуждающегося в 3.1) или перфектных/перфективных форм, имеющих в сочетании с рядом глагольных лексем «аномальную» имперфективную интерпретацию (обсуждающихся в 3.2).

2. Выбор интерпретации фактатива: лексические характеристики глагола

Как уже было сказано, специфика фактативных форм состоит в том, что они способны выражать оба видовых ракурса — перфективный и имперфективный — в зависимости от свойств конкретной глагольной лексемы. В зависимости от общей организации категории вида в соответствующем языке эти свойства

относятся к ведению либо акциональности — класса глагола, характеризующего тип протекания ситуации во времени, — либо «собственно вида» как словоклассифицирующей категории. Первый случай — акциональные свойства глагольной лексемы как фактор, определяющий интерпретацию фактатива, — представляется наиболее распространенным, но притом оставляющим большое количество дальнейших возможностей того, какие именно глагольные лексемы как могут интерпретироваться с фактативом. Второй случай — видовая характеристика глагольной лексемы как фактор, определяющий интерпретацию фактатива, — устроен более прямолинейно: имперфективный глагол является триггером имперфективной интерпретации с референцией к настоящему, а перфективный — перфективной с референцией к прошлому.

В подразделах этого раздела мы рассматриваем примеры каждого из этих случаев.

2.1. Акционально определяемая дистрибуция

В большинстве обобщающих утверждений о семантике фактатива — ср. приводившиеся в начале настоящей работы цитаты из работ У. Велмерса и В. А. Плунгяна — речь идет о связи с динамическим vs. статическим или событийным vs. несобытийным характером глагольной лексемы. И семантический признак событийности, и семантический признак динамичности, действительно, имеют отношение к выбору интерпретации фактатива: несомненно, что несобытийность глагола является обязательным условием для выбора имперфективной интерпретации фактатива, а стативность существенно повышает шансы такого выбора; и наоборот, интерпретация фактатива событийного глагола непременно перфективная, а динамичность делает ее типологически вероятной.

Третья принципиальная возможность выбора семантического признака, по которому противопоставлены глагольные лексемы, имеющие перфективную vs. имперфективную интерпретацию фактатива, требует более подробного комментария. Существуют языки, в которых набор глаголов, имеющих имперфективную интерпретацию фактатива, еще уже, чем все стативные (и тем самым обязательно несобытийные) глаголы, так как ключевым оказывается признак, противопоставляющий предикаты «стадиального уровня» vs. «индивидуального уровня» (в терминологии, предло-

женной в [Carlson 1977] и далее используемой в формально-семантических работах), или «качества» vs. «явления» (в терминологии [Булыгина 1982]). Сущность данного противопоставления состоит в том, что если предикат «стадиального уровня», или «явления», описывает свойство некоторого периода существования объекта (индивида) (в формальной теории Г. Карлсона — точечную «стадию» его существования), то предикат «индивидуального уровня», или «качества», описывает свойство, в нормальном случае присущее объекту (индивиду) в течение всего срока его существования⁷. Предикаты «индивидуального уровня», или «качества», являются, таким образом, специфическим подмножеством стативных предикатов, выражающих устойчивые, а не «временные», состояния — ср. понятие «устойчивого состояния» в [Падучева 1985]. Если интерпретация фактатива определяется данным параметром, то имперфективная интерпретация ограничена глаголами, соответствующими предикатам «индивидуального уровня», или «качества», а все остальные глаголы получают перфективную интерпретацию.

Необходимо, впрочем, сделать следующую оговорку: хотя акциональные свойства глагола во многом и связаны с его лексической семантикой, в общем случае акциональная характеристика конкретного глагола в конкретном языке не может быть предсказана исходя из его лексического значения, а может быть лишь установлена эмпирически исходя из интерпретации его видовых форм. Интересно, что интерпретация глагола с определенным лексическим значением состояния как предиката «индивидуального уровня» / «качества» или как предиката «стадиального уровня» / «явления» также может быть различной в разных языках — если судить о ней на основании эмпирических языковых данных — в частности, по поведению фактативной формы. Та же оговорка, естественно, касается и распределения глагольных лексических

⁷ Ср. определение Т. В. Булыгиной: «Качества представляют собой относительно независимую от течения времени характеристику предмета и в то же время характеризуют сам мир, для которого истинна соответствующая предикация. Напротив, явления (проявления) описывают только некоторый момент или отрезок существования объекта, характеризуют при этом скорее лишь определенное (преходящее) “состояние мира”» [Булыгина 1982: 17].

значений между динамическими и стативными и даже между событийными и несобытийными — то есть по любому семантическому параметру, который может быть «водоразделом» двух интерпретаций фактатива.

Таким образом, несколько огрубляя картину в силу закономерных межъязыковых индивидуальных различий в классификации лексики, можно сказать, что основным типологическим параметром фактатива, зависимым от акциональной характеристики, является параметр определяющего признака событийности ~ несобытийности vs. динамичности ~ стативности vs. «стадиальности» ~ «индивидуности», разбивающий глагольные лексемы на две группы — с имперфективной (с референцией к настоящему) vs. перфективной (с референцией к прошлому) интерпретацией фактатива. Подчеркнем еще раз, что эти три типологические возможности находятся в определенном иерархическом соотношении: предикаты «индивидуного уровня» («качества») являются подмножеством стативных, а стативные предикаты являются подмножеством несобытийных (ср. Схему 1). Следовательно, можно говорить об имплицитивной типологической иерархии фактатива: если имперфективную интерпретацию фактативной формы имеют стативные глаголы «стадиального уровня» (стативные «явления»), то ее имеют и глаголы «индивидуного уровня» («качества»), а если имперфективную интерпретацию фактативной формы имеют динамические несобытийные глаголы (непредельные процессы), то ее имеют и все стативные глаголы (ср. Схему 2).

Схема 1. Иерархия типов событий, релевантных для интерпретации фактатива

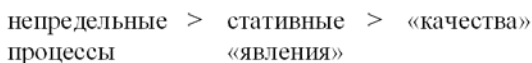

Схема 2. Иерархия имперфективной интерпретации фактатива

Перейдем к рассмотрению примеров конкретноязыковых систем с акционально-зависимым фактативом, начиная с наиболее просто организованных случаев и заканчивая более «экзотическими».

«Канонический» пример фактатива, интерпретация которого зависит от признака событийности, представляет собой соответствующая форма⁸ языка **игбо** (игбоидная ветвь бенуэ-конго), рассматриваемая в том числе и в [Welmers 1973] как пример фактатива («Subject Verb Form 1, Main» в классическом описании [Green, Igwe 1963], «аффирматив» в терминологии [Emenanjo 1987]). Хотя сам У. Велмерс, как было сказано, связывает интерпретацию фактатива в первую очередь с семантическим признаком динамичности, приводимые в описаниях примеры показывают, что определяющим для интерпретации фактативных форм в игбо является семантический признак событийности. Фактатив событийных глаголов имеет референцию к прошлому и выражает закончившуюся ситуацию в целом, ср. (1)–(2), а фактатив несобытийных глаголов, как стативных (3)–(4), так и динамических (5), имеет референцию к настоящему и выражает длящуюся ситуацию, без введения ее конечной и начальной точки.

(1) Игбо
chikēè sị àsị
Чике **говорить** ложь
‘Чике **солгал**’. [Emenanjo 1987: 169]

(2) Игбо
ha nīlèè chògà m̄
они все **отправляться_искать** я
‘Они все **пошли искать** меня’. [Emenanjo 1987: 169]

⁸ Строго говоря, в языке игбо представлены две формы — «нулевая» и с показателем *-rV*, — имеющие очень близкую семантику и дистрибуцию — настолько, что и в [Green, Igwe 1963], и в [Welmers 1973], и в [Emenanjo 1987] говорится о «вариантах» одной и той же формы с *-rV* и без *-rV*. В рамках настоящей работы мы не имели возможности исследовать вопрос более детально (тем более что, как отмечается в [Emenanjo 1987: 170], соотношение употреблений нулевого варианта и варианта с *-rV* сильно различается в различных диалектах игбо), но рассматриваем только примеры с «нулевой» формой.

- (3) Игбо
àdaà chò egō
 Ада **хотеть** деньги
 ‘Ада **хочет** денег’. [Emenanjo 1987: 169]
- (4) Игбо⁹
ànyù jì egō
 мы **держат** деньги
 ‘Мы **держим** деньги (We are holding money)’. [Emenanjo 1987: 169]
- (5) Игбо
àdaà bù itè
 Ада **нести** котел
 ‘Ада **несет** котел’. [Emenanjo 1987: 169]

Сходный выбор интерпретации фактатива, определяемый событийностью, у фактатива в языках **банда-линда** (семьи ада-мауа-убанги) и **инуктитут** (диалект таррамитут; эскимосско-алеутской семьи). В (6) представлено предложение с событийным, а в (7) — с несобытийными глаголами банда-линда, маркированными высоким тоном («Accompli» в терминологии описания [Cloarec 1972]). В (8)–(9) — примеры из инуктитут, также различающиеся событийностью глагола и одновременно аспектуальной и темпоральной интерпретацией.

- (6) Банда-линда
ngâlè nà zú nó
 маниока DEF **гореть.FAC** весь
 ‘Вся маниока **сгорела**’. [Cloarec 1972: 83]
- (7) Банда-линда
tèrè ná á ká tī
 Тере **идти.FAC** и **ждать.FAC** покинутый
 ‘Тере **идет** и **ждет** один’. [Cloarec 1972: 83]

⁹ К предложениям (4), (18) и (23) мы, во избежание неточности, помимо русского перевода, даем английский перевод, предлагаемый в работах, из которых заимствованы данные примеры.

(8) Инуктитут
ani-juq
выходить-IND.3SG
'Он вышел'. [Bohnenmeyer, Swift 2004: 267]

(9) Инуктитут
pisut-tuq
идти-IND.3SG
'Он идет'. [Bohnenmeyer, Swift 2004: 267]

Фактатив дефоидного бенуэ-конголезского языка **йоруба** («простая форма» в терминологии одного из наиболее известных ранних описаний [Ward 1952], «небудущее время» в терминологии [Яковлева 1963], «нейтральное время» в терминологии [Vamgboşe 1966]) в общих чертах демонстрирует ту же дистрибуцию — перфективная с референцией к прошлому интерпретация событийных глаголов (10)–(11) и имперфективная с референцией к настоящему интерпретация несобытийных (12)–(13), — но ситуация осложняется тем, что несобытийные глаголы также (хотя и, по-видимому, в качестве более маргинальной возможности) допускают и референцию к прошлому, сохраняя при этом имперфективную аспектуальную интерпретацию — ср. примеры (14)–(15) и (16а-б).

(10) Йоруба
o pa ekun
он **убивать** леопард
'Он **убил** леопарда'. [Ward 1952: 79]

(11) Йоруба
to pe o
я **звать** ты.ACC
'Я **позвал** тебя'. [Ward 1952: 83]

(12) Йоруба
ile na tobi
дом DEF **быть_большим**
'Этот дом **большой**'. [Ward 1952: 79]

(13) Йоруба
efin mi sare
лошадь мой **бежать**
'Моя лошадь **бежит**'. [Ward 1952: 83]

- (14) Йоруба
o ri yin
 он **видеть** вы.АСС
 ‘Он **видит** вас’. [Ward 1952: 81]
- (15) Йоруба
to ri aya re l' oja l' ana
 я **видеть** жена твой в рынок в вчера
 ‘Я **видел** вчера твою жену на рынке’. [Ward 1952: 83]
- (16) Йоруба
eti lo
 я **идти**
 а. ‘Я **иду**’.
 б. ‘Я **шел**’. [Яковлева 1963: 73]

В другой группе фактативных форм акционально определяемая дистрибуция зависит от семантического параметра динамичности vs. стативности ситуации. Примером может служить фактатив (в терминологии описания [Childs 1995: 225] ‘перфектив’) атлантического языка **киси**, имеющий нулевое оформление. Эта форма, согласно описанию, имеет перфективную интерпретацию с референцией к прошлому в сочетании с динамическими глаголами — как событийными (17), так и несобытийными (18) — и имперфективную с референцией к настоящему в сочетании со стативными глаголами (19). Та же дистрибуция, насколько можно судить по имеющемуся описанию, наблюдается у фактатива (в терминологии описания [Gore 1926: 55], ‘Present Perfect’) в языке **занде** семьи адамауа-убанги — ср. перфективный пример (20) с динамическим глаголом и имперфективный (21) со стативным.

- (17) Киси
roombòò ò dèl lèŋ kpúnmgbùlún
 мальчик он **падать** земля сильно
 ‘Мальчик **грохнулся** на землю’. [Childs 1995: 226]
- (18) Киси
ò dèmbúú hènǵóó lákpólákpó
 он **лизать** миска с_удовольствием
 ‘Он **полизал** миску с удовольствием (He licked the pan with gusto)’. [Childs 1995: 226]

(19) Киси
mèṅndáṅ mà tḗṅgá
 вода оно **быть_чистым**
 ‘Вода **чистая / очищенная**’. [Childs 1995: 226]

(20) Занде
ko mangi gere tipagine
 он **сделать** это почему
 ‘Почему он **сделал** это?’ [Gore 1926: 55]

(21) Занде
mi bi kumba
 я **видеть** человек
 ‘Я **вижу** человека’. [Gore 1926: 55]

Более сложно устроена семантика фактативной формы («небудущего времени») в океанийском языке **тоабаита**. Применительно к данной форме также верно, что динамические глаголы, как событийные (22), так и несобытийные (23), имеют референцию к прошлому и перфективную аспектуальную интерпретацию, а стативные глаголы (24) — референцию к настоящему и имперфективную аспектуальную интерпретацию, но, кроме того, хотя и в качестве более маргинальной возможности, имперфективная с референцией к настоящему интерпретация в определенных условиях также возможна и для динамических глаголов, в том числе и событийных (25).

(22) Тоабаита
nau ku biqi fula boqo
 я 1SG.FAC только_что **прийти** PTCL
 ‘Я только что **пришел**’. [Lichtenberk 2008: 693]

(23) Тоабаита
kerā uufi-a aḡaa qi roqo
 3PL.FAC **дуть-3.OBJ** панфлейты LOC вчера
 ‘Они **поиграли** вчера на пановых флейтах (They played (the) panpipes yesterday)’. [Lichtenberk 2008: 692]

(24) Тоабаита
qo mataqi nena
 2SG.FAC **болеть** там
 ‘Ты **болеешь?**’ [Lichtenberk 2008: 692]

(25) Тоабаита

taa n-o qani-a
 что FAC-2SG.FAC есть-3.OBJ

‘Что ты **ешь** (в данный момент)?’ [Lichtenberk 2008: 693]

Наконец, третью группу фактативных форм образуют фактативы, зависимые от признака «стадиальности» vs. «индивидуальности», иными словами, противопоставляющие глаголы «качества» всем прочим. Именно эта оппозиция релевантна для фактатива¹⁰ (в терминологии классического описания [Westermann 1907], «аорист») в языке эве семьи ква. Данная форма имеет перфективную интерпретацию с референцией к прошлому с событийными (26), динамическими несобытийными (27) и стативными глаголами-«явлениями» (28); кроме того, стативные глаголы-«качества» допускают две интерпретации — имперфективную с референцией к настоящему и более маргинальную перфективную с референцией к прошлому (см. подробнее [Агбоджо 1986: 28; Шлуинский 2008a]), ср. (29а-б), (30а-б).

(26)¹¹ Эве

kɔfi ɲlɔ agbalɛ
 Кофи **писать** письмо
 ‘Кофи **написал** письмо’.

(27) Эве

kɔfi wɔ dɔ
 Кофи **делать** работа
 ‘Кофи **работал / поработал**’.

¹⁰ Согласно [Westermann 1907], данная форма функционирует скорее как «небудущее время» и от любого глагола способна иметь как референцию к прошлому (и описывать завершённую ситуацию), так и референцию к настоящему, ср. (i):

(i) *me-yi*

1SG-идти

а. ‘Я **иду**’.

б. ‘Я **пошел**’. [Westermann 1907: 65]

Наш материал — равно как и материал [Агбоджо 1986; Агбоджо, Литвинов 1989] — не подтверждает такого рода примеры. Данное несоответствие, очевидно, объясняется прежде всего диалектным варьированием.

¹¹ Приводимые здесь примеры эве (26)–(30) получены автором при работе с носителем языка Дж. Джонсоном в Москве в 2006 г.

- (28) Эве
kɔfi vɔ avɿ
 Кофи **бояться** собака
 ‘Кофи **боялся** собаки’.
- (29) Эве
kɔfi lɔ ama
 Кофи **любить** Ама
 а. ‘Кофи **любит** Аму’.
 б. ‘Кофи **любил** Аму’.
- (30) Эве
kɔfi nuɑ gli aɖe
 Кофи **знать** сказка INDEF
 а. ‘Кофи **знает** одну сказку’.
 б. ‘Кофи **знал** одну сказку’.

Иначе, но также с опорой на противопоставление «качеств» vs. «явлений», устроен выбор видо-временной интерпретации формы «нейтрального вида» в языке **дан-гуэ́та** семьи манде (см. подробнее специальное исследование [Выдрин 2010]). С глаголами, обозначающими «явления», и динамическими, и стативными, данная форма допускает как перфективную интерпретацию с временной референцией к прошлому (31а), (32а), так и имперфективную интерпретацию с временной референцией к настоящему (31б) или к прошлому (32б). В то же время со сравнительно небольшой группой глаголов, обозначающих «качества» (в терминологии автора описания — «лексически-стативных глаголов») данная форма имеет исключительно «стативное значение» — то есть соответствующие ситуации рассматриваются как длящиеся в настоящем; в качестве примеров глаголов, имеющих такую интерпретацию «нейтрального вида», В. Ф. Выдрин приводит глаголы *slòð* ‘быть достаточным’, *mɔ̀ɔ̀* ‘мочь’, *kɔ̀* ‘удивляться’, *bɔ̀* ‘течь, протекать (о сосуде)’ [Выдрин 2010: 68].

- (31) Дан-гуэ́та
pɿããgbɿ yɿ tɿ kɔ̀-bãŋ gú
 Пиагбы 3SG **опираться.ФАС** дом-стена в
 а. ‘Пиагбы **оперся** о стену дома’.
 б. ‘Пиагбы **опирается** о стену дома’. [Выдрин 2010: 68]

- (32) Дан-гуэта
 уʃ̣ bāā bā ä wð yāādīʃ̣
 3SG маниока ART 3SG.NSBJ **извлекать.ФАС** вчера
 а. ‘Вчера он **выкопал** маниоку’.
 б. ‘Вчера он **копал** маниоку’. [Выдрин 2010: 67]

Суммируем типологические наблюдения, которые можно сделать на разбиравшемся материале языков с акционально определяемой дистрибуцией фактатива. В языках мира представлены системы, демонстрирующие каждый из трех обсуждавшихся семантических признаков, разделяющих глагольные лексемы на две группы с точки зрения возможной интерпретации фактативной формы: событийности vs. несобытийности, динамичности vs. стативности, «стадиальности» vs. «индивидуности». При этом наблюдается межъязыковое варьирование и в том, какие именно предикатные значения классифицируются данным языком как принадлежащие к той или иной из указанных категорий. Помимо «простых» случаев фактатива, в которых для каждой из двух групп глаголов доступна единственная видо-временная интерпретация, представлены и более сложные случаи, когда одна из групп допускает более одной интерпретации, причем видовая характеристика здесь оказывается в целом независимой от временной. Чем больше оказывается глаголов с возможными вариантами, тем дальше соответствующая форма от «канонического» варианта фактатива; среди рассмотренного материала «на грани» принадлежности к этой типологической категории оказывается форма «нейтрального вида» в дан-гуэта, у которого не существует второго варианта интерпретации лишь для «индивидуных» глаголов, заведомо представляющих собой сравнительно немногочисленный класс.

В заключение данного раздела хотелось бы сделать два замечания.

Мы касались здесь только употреблений рассматриваемых форм, соответствующих единичной референтной ситуации; но упомянем то обстоятельство, что по меньшей мере часть рассмотренных форм имеет также и хабитуальные (в широком смысле) употребления с той или иной временной референцией, ср. пример (33) из тоабаита.

- (33) Тоабаита
wane naqi qe kafara qa-fa thato
 человек этот 3SG.FAC делать_копру PREP-CL день
ki sui bana
 PL PTCL PTCL
 ‘Этот человек **делает копру** каждый день’. [Lichtenberk 2008: 693]

Многие языки, в литературе по которым отмечается факта-тив, требуют дальнейшего исследования семантического параметра, отвечающего за выбор аспектуальной интерпретации и временной референции. Неудивительно, что в тех случаях, когда приводится лишь пара примеров, иллюстрирующих сам факт лексически определяемого выбора перфективного значения с референцией к прошлому или имперфективного с референцией к настоящему, они содержат полярные с этой точки зрения предикаты: событийный глагол и глагол «качества». Так, в [Marchese 1986] делается утверждение, что в ряде языков семьи кру факта-тив имеет ту же дистрибуцию, что названа в [Welmers 1973], — в зависимости от стативности vs. динамичности глагола. Тем не менее, мы видели, что в обсуждаемых У. Велмерсом языках игбо и йоруба фактически «водораздел» проходит между событийными vs. несобытийными глаголами. Это означает, что приводимые в [Marchese 1986: 31] примеры из языка девоин семьи кру с перфективной с референцией к прошлому интерпретацией событийного глагола (34) и имперфективной с референцией к настоящему интерпретацией глагола «качества» (35) фактически могут иллюстрировать любой из обсуждавшихся контрастов — по событийности, динамичности или «стативности» vs. «индивидуности».

- (34) Девоин
ó pī sāyè
 он готовить мясо
 ‘Он **приготовил** мясо’. [Marchese 1986: 31]

- (35) Девоин
í bélé bélé
 я иметь полотенце
 ‘У меня **есть** полотенце’. [Marchese 1986: 31]

2.2. Аспектуально определяемая дистрибуция

Случаи, рассматривавшиеся в предыдущем разделе, несмотря на их заметную неоднородность, имели одно существенное общее свойство: в каждом из них речь идет о фактативе как о специфической видо-временной категории, встроенной в ряд других видо-временных форм, часть из которых имеет, в отличие от нее, фиксированное собственно видовое значение — перфективное или имперфективное. Вполне типично сосуществование фактатива с акционально определяемой дистрибуцией с более привычными словоизменительными аспектуальными граммемами — например, с имперфективом (или прогрессивом) и с перфектом.

В данном разделе обсуждаются случаи другого рода. Их объединяет то, что собственно видовое значение глагольной лексемы или предикации — перфективный vs. имперфективный ракурс рассмотрения ситуации — задано за пределами ядерной глагольной словоизменительной системы и тем самым аспектуальная интерпретация фактатива задается автоматически, но категория собственно вида определяет и его временную дистрибуцию. Общая логика при этом сходна с тем, что мы наблюдали в случае фактатива с акциональной определяемой дистрибуцией: перфективное видовое значение влечет за собой референцию к прошлому, а имперфективное тяготеет к референции к настоящему.

Наиболее простой случай фактатива с аспектуально определяемой дистрибуцией представлен в языках, имеющих одновременно фактатив и бинарную словоклассифицирующую категорию собственно вида. Под последней мы имеем в виду видовую систему, сходную в общих чертах по организации со славянской: глагольная лексика однозначно разбивается на два класса — класс имперфективных глаголов (глаголов несовершенного вида) и класс перфективных глаголов (глаголов совершенного вида), при этом принципиально видовая характеристика глагола не зависит от его деривационной истории: существуют как перфективные, так и имперфективные непроезводные глаголы.

Зависимость фактатива от лексически определяемого глагольного вида демонстрируют самодийские языки — **ненецкий**, **энецкий** и **селькупский**. Наименее маркированная ненецкая (тундровый диалект) глагольная форма (в терминологии [Терещенко 1947; Терещенко 1973] — «неопределенное время», в дру-

гой терминологической традиции, например [Salminen 1997], «аорист») имеет референцию к прошлому с перфективными глаголами (36) и референцию к настоящему с имперфективными глаголами (37)¹². Примеры (38)–(39) и (40)–(41) представляют собой аналогичные пары энецких (лесной диалект) и селькупских (тазовский диалект) предложений¹³. Парные видо-временные значения к выражаемым фактативом («неопределенным временем») производного глагола также могут быть выражены той же формой, но другого глагола — производного от исходного при помощи деривационных показателей. Так, в ненецком (тундровый диалект) примере (42а) представлен производный перфективный глагол, а в (42б) — производный от него имперфективный; в (43а), напротив, мы видим производный имперфективный глагол, а в (43б) — производный от него перфективный (см. подробнее о ненецкой видовой системе [Иосад и др. 2005]).

(36) Ненецкий

ня-ва''

мӓле хая

товарищ-NOM.SG.1PL уже **уйти.3SG.S**

‘Наш товарищ уже **уехал**’. [Терещенко 1973: 137]

¹² Сама логика выбора временной интерпретации в зависимости от вида глагола устроена крайне сходным образом и в наиболее изученных системах со словоклассифицирующим видом — славянских: одна и та же морфологическая категория имеет референцию к настоящему с имперфективными глаголами (например, русским *рублю*) и к будущему с перфективными (например, русским *куплю*). Логика выбора временной интерпретации самодийского фактатива («неопределенного времени») сходная, но с выбором для перфективных глаголов референции не к будущему, а к прошлому.

¹³ В нганасанском языке ситуация более сложная: там также представлена словоклассифицирующая категория собственно вида, но базовая форма глаголов совершенного вида с референцией к прошлому и базовая форма глаголов несовершенного вида с референцией к настоящему морфологически не тождественны — см. детали в [Терещенко 1979; Хелимский 1994; Katzschmann 2008; Гусев, настоящий сборник]. Камасинская видовая система в целом принципиально отличается от других самодийских — в этом языке вид является не словоклассифицирующей, а словоизменительной категорией — см. [Künnap 1978: 114–142; Klumpp 2005].

- (37) Ненецкий
пыдă мӓнзӓра
 он **работать.3SG.S**
 ‘Он **работает**’. [Терещенко 1973: 137]
- (38)¹⁴ Энецкий
и anⁱ kuniz toə-d
 ты и откуда **придти-2SG.S**
 ‘А ты откуда **пришел?**’
- (39) Энецкий
kasa-r texe fit ɔti
 товарищ-NOM.SG.2SG вон ты.ACC **ждать.3SG.S**
 ‘Вон твой товарищ тебя **ждет**’.
- (40) Селькупский
тап тогунӓ тӓ-η-ар
 я домой **придти-FAC-1SG**
 ‘Я **пришел** домой’. [Кузнецова и др. 1980: 235]
- (41) Селькупский
тап тура-η-ар
 я **подметать-FAC-1SG**
 ‘Я **подметаю**’. [Кузнецова и др. 1980: 236]
- (42)¹⁵ Ненецкий
 а. *was'a kniŋa-mʔ tola*
 Вася книга-ACC.SG **прочитать.3SG.S**
 ‘Вася **прочитал** книгу’.
 б. *was'a kniŋa-mʔ tola-mbʔi*
 Вася книга-ACC.SG **прочитать-DUR.3SG.S**
 ‘Вася **читает** книгу’.

¹⁴ Приводимые здесь энецкие примеры (38)–(39) взяты из базы энецких текстов, подготовленной автором и О. В. Ханиной в 2008–2011 гг. в рамках проекта «Документация энецкого языка» при поддержке международного фонда ELDP при Институте Азии и Африки Лондонского университета.

¹⁵ Приводимые здесь ненецкие примеры (42)–(43) взяты из базы данных по ненецкому глаголу, собранной в Ненецких экспедициях МГУ 2003–2005 гг. (рук. С. Г. Татевосов) при участии автора.

(43) Ненецкий

а. *was'a maša-mʔ* *men'ie*
 Вася Маша-ACC.SG **любить.3SG.S**
 'Вася **любит** Машу'.

б. *was'a maša-mʔ* *men'ie-lja*
 Вася Маша-ACC.SG **любить-INCH.3SG.S**
 'Вася **полюбил** Машу'.

Самодийская видовая система и зависимая от нее семантика самодийского фактатива требуют следующих дополнительных комментариев. Во-первых, в рассматриваемых нами ненецком, энецком и селькупском языках акциональная дихотомия событийных vs. несобытийных глаголов однозначно совпадает с аспектуальной дихотомией перфективных vs. имперфективных глаголов (для селькупского см. подробнее специальную статью [Казакевич 2008]¹⁶); иными словами, в данных языках не существует не только событийных имперфективных глаголов (что тривиально), но и несобытийных перфективных¹⁷. Это, вообще говоря, позволяет формулировать правила дистрибуции самодийского фактатива в терминах событийности — то есть в точности так же, как для рассматривавшихся в 2.1 случаев игбо, банда-линда и инуктитут. Такая формулировка, однако, затемняет существенное различие между данными двумя случаями: в игбо глагольная лексема в принципе имеет полную видовую парадигму и может образовывать и перфективные, и имперфективные видо-временные формы, и лишь в фактативе видовая характеристика оказывается нестабильной и связана с событийностью глагола; в самодийских языках, напротив, глагольная лексема имеет одну и ту же видовую характеристику во всех своих формах, а особенность фактатива состоит в том, что в данном случае видовая характеристика предопределяет различия во временной референции. Во-вторых,

¹⁶ В этой работе используется многозначный термин «предельность», но по контексту ясно, что речь идет о том значении «предельности», которое соответствует нашей «событийности».

¹⁷ В отличие от славянских языков, где существуют как минимум делимитативные (типа *постоять*) и пердуративные (типа *простоять*) перфективы, и от не обсуждаемого здесь нганасанского языка, где также есть делимитативы (см. [Гусев, настоящий сборник: 311–360]).

хотя в целом распределение в самодийских языках лексических значений по виду и тем самым по интерпретации фактатива неслучайно (перфективными глаголами описываются ситуации, обозначающие моментальное резкое изменение, имперфективными — естественные состояния и неопредельные процессы), некоторые случаи, по меньшей мере на первый взгляд, не самоочевидны. Так, в большинстве случаев имперфективные стативные глаголы непроеизводны, а соответствующие им перфективные инцептивы производны от них, но есть и примеры обратного соотношения, ср. ненецкие глаголы *p'ina-* ‘бояться’ > *p'ina-l-* ‘испугаться {бояться-INCH}’, но *maja-* ‘обрадоваться’ > *maja-mba-* ‘радоваться {радоваться-DUR}’, *xamada-* ‘понять’ > *xamada-mba-* ‘понимать {понять-DUR}’. Обсуждавшаяся нами выше проблема конкретноязыковой специфики в классификации глагольной лексики по признакам, с которыми связана семантика фактатива, оказывается, таким образом, в случае дистрибуции фактатива, зависимой от словоклассифицирующего вида, еще более острой.

По-видимому, очень сходная с самодийской ситуация представлена в **западногренландском эскимосском** языке¹⁸, в котором фактатив (по [Fortescue 1984], «unmarked indicative form») перфективных глаголов имеет референцию к прошлому, как в (44), а фактатив имперфективных глаголов, в отличие от самодийских языков, допускает референцию как к настоящему (45а), так и к прошлому (45б).

¹⁸ Как можно заметить, речь идет о языке, близкородственном инуктитут, рассматривавшемуся выше в качестве примера языка с фактативом с акционально определяемой дистрибуцией, зависимой от событийности глагола, и о когнатных глагольных формах. С одной стороны, это обстоятельство можно рассматривать как довод в пользу того, что система самодийского типа, зависимая от видовой характеристики глагола, действительно содержательно близка к системе типа игбо, зависимой от акционального параметра событийности. С другой стороны, возможно, что мы имеем дело с (увы, довольно типичным) артефактом типологического исследования, возникшим в связи с различной интерпретацией сходных данных — и авторами работ, из которых мы заимствуем материал, и нашей собственной. Видовая система инуитской ветви эскимосско-алеутских языков и дистрибуция фактативной формы в них требуют, таким образом, дальнейшего изучения на представительном материале.

- (44) Западногренландский эскимосский
tikip-piq
прийти-IND.3SG
'Он пришел'. [Fortescue 1984: 272]
- (45) Западногренландский эскимосский
aggir-piq
подходить-IND.3SG
а. 'Он подходит'.
б. 'Он подходил'. [Fortescue 1984: 272]

Сложнее устроена аспектуальная система и связанная с ней семантика фактатива в некоторых палеоазиатских языках — мы рассмотрим **юкагирские** языки и **нивхский**. В этих языках нельзя говорить о бинарном распределении лексики без остатка на две группы в зависимости от значения словоклассифицирующего признака собственно вида, но нельзя говорить и о «среднеевропейской» словоизменительной категории собственно вида, при которой видовое значение определяется видо-временными формами в словоизменении глагола. В данном случае часть глагольной лексики имеет фиксированное собственно видовое значение, причем оно имеет морфологическое выражение — деривационный аспектуальный показатель. Фактатив, наименее маркированная видо-временная форма (для колымского юкагирского — «небудущее» [Maslova 2003a], для тундрового юкагирского — «witnessed» [Maslova 2003b], для нивхского — «небудущее» [Панфилов 1965]), допускает референцию и к настоящему, и к прошедшему с аспектуально немаркированными и с имперфективными глаголами, но с перфективными глаголами ее референция ограничена прошедшим временем. Так, колымские юкагирские примеры (46)–(48) иллюстрируют возможность интерпретации фактатива и с референцией к настоящему, и с референцией к прошлому (причем, в случае референции к прошлому — аспектуально нейтральной), но если глагольная лексема содержит перфективный деривационный аффикс *-j-* (подверженный чередованиям) и ограничен тем самым перфективной семантикой, то, как показано в [Maslova 2003a: 188], временная референция образованного от него фактатива ограничена прошедшим временем, ср. (49) (обсуждение сходной ситуации в тундровом юкагирском языке см. в [Maslova 2003b: 11–15]). Аналогично, нивхский пример (50) показывает, что фор-

ма «небудущего времени» может иметь как временную референцию к прошедшему (как в случае формы *ит-т'* 'сказал'), так и к настоящему, в том числе и в случае событийного предиката (как в случае формы *лыт-т'* 'делаю'), в соответствии с формулировкой автора описания: «Глагол в настоящее-прошедшем времени, или аористе, обозначает действие, которое может происходить как в момент речи, так и предшествовать ему» [Панфилов 1965: 91]. При этом, если глагол содержит деривационный перфективный маркер *-уыт-* и тем самым допускает только перфективную семантику, данная форма имеет стабильную референцию к прошлому, как в предложениях (51)–(52).

- (46) Колым. юкагирский
terikie-die iŋd'e-t modo-j
 старуха-DIM шить-SS.IPFV **сидеть-INTR.3SG**
 а. 'Старуха **сидит** и шьет'.
 б. 'Старуха **сидела** и шила'. [Maslova 2003a: 168]
- (47) Колым. юкагирский
tet qaduon-ge lejdi-mek?
 ты где-LOC **знать-TR.3SG**
 'Откуда ты это **знаешь?**' [Maslova 2003a: 168]
- (48) Колым. юкагирский
qaduon-ge juo-met mit šoromo?
 где-LOC **видеть-TR.2PL** наш человек
 'Где ты **видел** нашего человека?' [Maslova 2003a: 168]
- (49) Колым. юкагирский
taŋ oži lolho-s'
 этот вода **кипеть-PFV.INTR.3SG**
 'Эта вода **вскипела**'. [Maslova 2003a: 190]
- (50) Нивхский
иф н'эру ит-т': н'и вага лыт-т'
 он я.DAT **говорить-FAC** я ящик **делать-FAC**
 'Он мне сказал: «Я ящик **делаю**». [Панфилов 1965: 91]
- (51) Нивхский
чай ырк туз-уыт-т'
 чай уже **остывать-PFV-FAC**
 'Чай уже **остыл**'. [Панфилов 1965: 70]

(52) Нивхский

чыг ыурыкон му-ыт-т'

вы давно умирать-PFV-FAC

‘Вы давно умерли’. [Панфилов 1965: 71]

Содержательно сходная, но принципиально иначе морфологически организованная ситуация представлена в муна-бутонском языке **туканг беси** (австронезийская семья). Здесь, как и во всех остальных представленных выше случаях, мы несомненно имеем дело с фактативом — наименее маркированной морфологически глагольной формой, которая с одной частью глагольной лексики (несомненно включающей несобытийные, а в первую очередь — стативные предикаты) имеет имперфективную видовую интерпретацию с временной референцией к настоящему (53)–(54), а с другой частью глагольной лексики (несомненно включающей событийные предикаты) — перфективную видовую интерпретацию с временной референцией к прошлому (55)–(56). Если же используется перфективный маркер *-то*, то любая ситуация рассматривается как завершенная, а фактативная форма получает референцию к прошлому, ср. имперфективную интерпретацию с референцией к настоящему (57а), (58а) и перфективную с референцией к прошлому (57б), (58б) с теми же глаголами. При этом, если рассмотренные выше ограничивающие видо-временную референцию юкагирские и нивхские перфективные маркеры представляют собой деривационные показатели, образующие отдельные перфективные лексемы, то перфективный маркер **туканг беси** имеет совсем иной статус. Как показано в [Donohue 1999: 170–171], этот показатель (входящий в один ряд с двумя другими аспектуальными показателями с более частной семантикой) не только не образует отдельной глагольной лексемы, но и в целом содержательно принадлежит скорее не к глагольной словоформе, а глагольной группе, так как может быть присоединен и к словоформе основного глагола, и к словоформе вспомогательного глагола, и к другим элементам глагольной группы. Таким образом, здесь мы имеем ту же, что и в рассмотренных выше случаях, общую логику зависимости интерпретации фактатива от заданного вне этой формы аспектуального значения, но задается это значение не «внутренним» фактором лексических свойств глагола, а «внешним» фактором аспектуального маркирования глагольной группы.

- (53) Туканг беси
o-mandawulu
3.R-быть_красивым
 ‘Она красивая’. [Donohue 1999: 152]
- (54) Туканг беси
no-tinti na ana
3.R-бежать ABS ребенок
 ‘Ребенок бежит’. [Donohue 1999: 165]
- (55) Туканг беси
jari no-'eka di wunua-no
 так **3.R-подняться** OBL дом-3
 ‘Итак, она поднялась в свой дом’. [Donohue 1999: 152]
- (56) Туканг беси
ku-gonti te kau
1SG.R-нарубить CORE дрова
 ‘Я нарубил дрова’. [Donohue 1999: 152]
- (57) Туканг беси
 а. *no-meha na watu iso*
3.R-быть_красным NOM скала вон_тот
 ‘Вон та скала красная’.
 б. *no-meha-mo na watu iso*
3.R-быть_красным-PFV NOM скала вон_тот
 ‘Вон та скала стала красной’. [Donohue 1999: 152]
- (58) Туканг беси
 а. *no-sai te kuikui*
3.R-делать CORE пирог
 ‘Она делает пироги’.
 б. *no-sai kuikui-mo*
3.R-делать пирог-PFV
 ‘Она сделала пироги’. [Donohue 1999: 167–168]

Таким образом, общая логика выбора интерпретации фактатива с аспектуально определяемой дистрибуцией в целом всегда единая: перфективная предикация ограничена референцией к прошлому, а имперфективная предикация в большей или меньшей степени тяготеет к референции к настоящему. Различия связаны в первую очередь с тем, как именно, за пределами фактати-

ва и вообще глагольного словоизменения, выражаются собственно видовые значения. Кроме того, как и в случае фактатива с акционально определяемой дистрибуцией, представлены случаи с неединственной временной интерпретацией, но в данном случае единственная «дополнительная» возможность здесь — референция к прошлому у имперфективных предикаций.

3. Смежные с фактативом случаи

В разделе 2 мы рассмотрели случаи, которые, в нашей интерпретации, являются разными манифестациями межъязыковой категории фактатива — зависимой, с одной стороны, от организации конкретноречевой видовой системы, с другой стороны — подверженной, как любая иная межъязыковая категория, типологическому варьированию. Во всех случаях эта категория следует некоторой общей логике: речь идет о базовой форме в глагольной системе, реализующей наиболее нейтральный способ выражения той или иной ситуации, а лексические свойства глагола при этом предопределяют, будет ли данная ситуация проинтерпретирована как делящаяся (и синхронная моменту речи) или завершенная (и предшествующая моменту речи). Во всех случаях по крайней мере для одной из двух групп глаголов, на которые разбивала глагольную лексику категория фактатива, была недоступна интерпретация этой формы, доступная для другой группы.

В данном разделе мы рассматриваем две типологически частотные возможности, которые можно определить как смежные с фактативом, — «небудущее время» и перфект(ив)но-стативно полисемичные формы. В первом случае (обсуждаемом в 3.1) речь идет о формах, референция к прошлому vs. к настоящему и перфективная vs. имперфективная референция которых принципиально не ограничены лексически и возможны у всякого глагола. Во втором случае (обсуждаемом в 3.2) — о маркированных перфектных или (реже) перфективных категориях с референцией к прошлому, имеющих, тем не менее, стативную интерпретацию с референцией к настоящему с некоторыми глаголами.

Оба случая мы бы не хотели относить к категории фактатива, но при этом они имеют содержательно близкие с ней свойства. Довольно подробное их обсуждение в рамках данной работы

обусловлено не столько тем, что мы хотели бы отграничить «чистый» фактатив от того, что, с нашей точки зрения, фактативом не является, сколько тем, что грань, отделяющая фактатив от нефактатива, в этих случаях в реальности оказывается крайне тонкой. Мы не ставим своей целью какую-либо конкретную диахроническую интерпретацию сходства этих категорий (прежде всего по причине недостаточной изученности большинства из рассматриваемых случаев), но уверены в том, что и «небудущее время», и перфектно-статальные формы могут быть связаны с фактативом диахронически в том или ином направлении.

3.1. «Небудущее время» без лексической дистрибуции

Как указывается, например, в авторитетной обзорной монографии по категории времени [Comrie 1985: 49–50], в ряде языков мира эта категория описывается как состоящая из двух граммем, противопоставляющих ситуацию в будущем ситуации в прошедшем или настоящем. Если оставить в стороне весьма дискуссионный вопрос о том, корректно ли говорить о том, что речь в таких случаях идет именно о формах небудущего времени, противопоставленных формам будущего времени (высказывались небезосновательные предположения о том, что в основе таких систем, как правило, лежат совсем другие семантические противопоставления, в первую очередь по реальности vs. ирреальности — см., например, [Плунгян 2011: 363]), то непреложным остается тот факт, что в глагольных системах языков мира представлены многочисленные формы, способные выражать реальную ситуацию как в прошлом, так и в настоящем, причем, более того, все рассмотренные нами выше случаи принадлежат к их числу. Но выше, опираясь на перечисленные нами в разделе 1 характеристики фактатива, мы говорили лишь о тех случаях, когда выбор временной и аспектуальной характеристики предикации с фактативом связан с какими-либо лексическими свойствами глагола, от которого он образован.

Тем не менее, это не единственная возможность: существуют языки, в которых (по крайней мере, согласно доступным описаниям) представлены глагольные формы, допускающие свободную временную референцию к настоящему или к прошлому для всей глагольной лексики (а в случае референции к прошлому — часто и свободную имперфективную и перфективную ин-

терпретацию). Таковы, например, язык **квача** (коая) (не классифицирован, Бразилия) и **дирбал** семьи пама-ньонга, ср. примеры (59)–(60) для каждого из них.

(59) Кважа

txa'hũ ba-jã'hỹ-ki

дорога **ЧИСТИТЬ-CL-DECL**

а. 'Он **ЧИСТИТ** дорогу'.

б. '**Он почистил / чистил** дорогу'. [van der Voort 2004: 389]

(60) Дирбал

banĩni

приходить.NONFUT

а. 'Он **приходит / подходит**'.

б. 'Он **пришел**'. [Dixon 1972: 55]

Такого рода случаи, на первый взгляд, связаны с фактативом лишь опосредованно. Выясняется, однако, что во многих других языках с формами «небудущего времени» (а возможно, в тех языках, в которых эти формы исследованы более детально) эти формы имеют предпочтения в том, какая интерпретация в большей степени естественна для какой глагольной лексемы. Неудивительно, что глагольная лексика при этом распределяется в соответствии с той же логикой, которую мы видели в случае акционально определяемой дистрибуции фактатива: глаголы, обозначающие «качества», имеют «по умолчанию» референцию к настоящему и/или имперфективную интерпретацию, а событийные глаголы — референцию к прошлому и/или перфективную интерпретацию.

Так, в трансновогвинейском языке **хуа** имеется наименее маркированная глагольная форма, способная для всякого глагола описывать как ситуацию в прошлом, так и ситуацию в настоящем. Но при этом ее «дефолтное» прочтение различно для глаголов разных акциональных типов: если в сочетании с динамическим глаголом в нейтральном контексте она имеет референцию к прошлому (и перфективную интерпретацию) (61), то в сочетании со стативным глаголом — референцию к настоящему (и имперфективную интерпретацию) (62), ср. также характеристику ее употребления, предлагаемую автором описания: «Вообще говоря, она используется для выражения действий в прошлом и состоя-

ний в настоящем. Реже она может выражать действия в настоящем или состояния в прошлом»¹⁹ [Haiman 1980: 136].

- (61) Хуа
hu-e
 делать.1SG-IND
 а. ‘Я сделал’.
 б. ‘Я делаю’. [Haiman 1980: 136]

- (62) Хуа
bau-e
 находиться.1SG-IND
 а. ‘Я (нахожусь) здесь’.
 б. ‘Я был здесь’. [Haiman 1980: 136]

Аналогичная ситуация отмечена в цимшианском языке **гитксан**, «небудущему времени» с нулевым маркированием в котором посвящена специальная публикация [Jóhannsdóttir, Matthewson 2008]. Авторы формулируют обобщение в терминах классических вендлеровых классов: состояния имеют «дефолтное» прочтение с референцией к настоящему (прочтение (63а) предпочтительнее, чем (63б)), тогда как динамические классы — деятельности (activities), совершения (accomplishments) и достижения (achievements) — «дефолтное» прочтение с референцией к прошлому (понимания (64а), (65а) предпочтительнее, чем (64б), (65б)), причем для отдельных глаголов авторы отмечают даже факты запретов «недефолтных» интерпретаций их информантами.

- (63) Гитксан
luu amhl *gots* *diana*
 в **радоваться** сердце Диана
 а. ‘Диана **рада**’.
 б. ‘Диана **была рада**’. [Jóhannsdóttir, Matthewson 2008: 300]

- (64) Гитксан
ama *japdihl* *m'al*
 положение **делать** каноэ
 а. ‘Я **починил** мое каноэ’.
 б. ‘Я **чиню** мое каноэ’. [Jóhannsdóttir, Matthewson 2008: 300]

¹⁹ «Generally speaking, it is used to indicate past actions or present states. Less frequently, it may indicate present actions or past states».

- (65) Гитксан
baht *yoko*
бежать Йоко
а. 'Йоко **бежала**'.
б. 'Йоко **бежит**'. [Jóhannsdóttir, Matthewson 2008: 300]

Несколько другое распределение отмечается в **парагвайском гуарани**, в котором, согласно работе [Tonhauser 2006: 234–235] (см. также [Tonhauser 2009] и обсуждение в [Герасимов 2010]), различия в «дефолтной» интерпретации формы «небудущего времени» обуславливает фактор событийности. Дж. Тонхаузер отмечает, что в изолированном употреблении несобытийные глаголы в данной форме имеют референцию к настоящему (прочтение (66б), в отличие от (66а), возможно только в сильном контексте), а событийные — референцию к прошлому (прочтение (67б), в отличие от (67а), возможно только в сильном контексте).

- (66) Парагв. гуарани
o-yu'a
3-радоваться
а. 'Он рад'.
б. 'Он обрадовался'. [Tonhauser 2006: 235; Герасимов 2010: 43]

- (67) Парагв. гуарани
o-i
3-приходить
а. 'Он пришел'.
б. 'Он подходит'. [Tonhauser 2006: 235; Герасимов 2010: 43]

Используемые в цитируемых работах критерии «дефолтного» прочтения и (в условиях работы с языком, не имеющим представительного корпуса текстов) большей или меньшей частотности того или иного прочтения²⁰ как таковые глубоко проблема-

²⁰ Е. С. Маслова (устно) заметила, что процитированное выше утверждение Дж. Хэймана относительно частотности референции к настоящему vs. к прошлому у «небудущего времени» в хуа в зависимости от стативности vs. динамичности глагола в сущности означает лишь то, что, независимо от того, что речь идет о форме «небудущего времени», и в целом от организации видо-временной системы хуа, стативные глаголы чаще употребляются в контекстах с референцией к настоящему, а динамические — в контекстах с референцией к прошлому, а частот-

тичны. Тем не менее, то обстоятельство, что исследователи языков, находящиеся в разных частях света, независимо обращают внимание на сходные тенденции в интерпретации сходных форм, вряд ли случайно. Можно, таким образом, сказать, что если глагольная форма допускает референцию и к настоящему, и к будущему, то в той или иной степени на выбор ее аспектуальной и временной интерпретации влияет и акциональная семантика глагола — вопрос лишь, во-первых, в том, какой именно параметр акционального значения оказывается «критическим» в данной языковой системе, а во-вторых, является ли какая-либо из интерпретаций не просто маргинальной, а неграмматичной. Фактатив отличается от «небудущего времени» именно тем, что хотя бы у части глаголов одна из возможных видо-временных интерпретаций блокирована, а в «каноническом» случае для каждого глагола определена только одна интерпретация, концептуализированная в данном языке как наиболее естественная для его семантики.

3.2. Перфекты и перфективы с частичной стативной интерпретацией с референцией к настоящему

Вторую группу глагольных форм, имеющих содержательное сходство с фактативом, образуют случаи так называемой перфектно-статальной или перфектно-прогрессивной полисемии и примыкающие к ним. Речь идет, прежде всего, о случаях межъязыковой категории перфекта (выражающей завершенную ситуацию в прошлом, имеющую последствия для настоящего), имеющих ту специфическую особенность, что они могут выражать также и длящуюся ситуацию в настоящем — в сочетании с большим или меньшим кругом глаголов. Данный тип полисемии известен в грамматической типологии — см. специальную публикацию [Ebert 1995]²¹.

ность интерпретации нейтральной к категории времени глагольной формы является лишь следствием данного предпочтения и не связана с ее семантикой. В этой перспективе случаи «небудущего времени», рассматриваемые в данном разделе, отличаются от фактатива тем, что в их случае более частотный вариант не конвенционализирован как единственный возможный.

²¹ Примечательно, что К. Эберт включает в рассматриваемый материал не только случаи собственно перфектно-статальной/прогрессивной полисемии, но и случаи фактатива (например, в нивхском языке), и

Принципиальные отличия перфекта, отягощенного имперфективными употреблениями с референцией к настоящему, от фактатива следующие. Прежде всего, в отличие от перфективных с референцией к прошлому употреблений фактатива, перфект имеет собственную аспектуальную семантику релевантности прошедшей ситуации и лишь кроме того — характеристику ситуации как законченной, тогда как перфективные употребления фактатива всего лишь указывают на завершённую ситуацию в прошлом — в частном случае, возможно, и релевантную для текущего момента. Далее, фактатив, в отличие от такого рода перфектных форм, является основным и наиболее нейтральным способом описать ту или иную ситуацию — как в случаях перфективной интерпретации с референцией к прошлому, так и в случаях имперфективной с референцией к настоящему, тогда как перфекты обсуждаемого типа имеют более тонкую дистрибуцию. С тем и другим связано и то, что если для фактатива очевидна тенденция к минимальной морфологической маркированности и даже нулевому выражению, то для перфекта, напротив, как известно, характерны маркированные, часто аналитические, конструкции. Но при этом необходимо учитывать, что, как опять же хорошо известно, для перфекта характерно диахроническое развитие в перфективный претерит с одновременной постепенной утратой и собственно перфектной семантики, и «недефолтности» конструкции, и морфологической сложности, что, однако, не обязательно сопровождается полной потерей употреблений с референцией к настоящему, хотя бы для некоторого ограниченного круга глаголов-«маргиналов», что делает данную форму особенно близкой к фактативу.

Сравнительно редкий случай представляет собой тотальная перфектно-презентная полисемия, которую демонстрирует язык **камлинг** группы киранти — интересно, что именно эта нетривиальная конкретная система выбрана в качестве отправной точки в исследовании [Ebert 1995], автор которого известна в том числе и как специалист именно по данному языку. В камлинг перфект (в диахронической перспективе представляющий собой сложную

упоминаемые нами ниже случаи результативно-статальной полисемии (например, в карачаево-балкарском языке). Это лишний раз показывает, что речь идет о сходном и трудно разграничиваемом материале.

конструкцию со вспомогательным глаголом *ngas-* ‘оставаться’) может иметь как перфектное значение (68а), так и имперфективное с референцией к настоящему (68б).

- (68) Камлинг
ding-ḍi-ngas-ḍi
 пить-1SG-PRF-1SG
 а. ‘Я выпил’.
 б. ‘Я пью’. [Ebert 1997: 27]

Более распространенной является ситуация, при которой перфект с подавляющим большинством глагольных лексем имеет типологически стандартный круг перфектных значений, но с небольшим классом глаголов — заведомо несобытийных, но чаще стативных — выражает длящуюся ситуацию в настоящем.

Одним примером такого рода, насколько можно судить по разнородному материалу, представленному в различных публикациях (мы опираемся в первую очередь на [Njie 1982; Robert 1991; Perrin 2005]), является форма Перфекта (в терминологии [Njie 1982] «aspect zéro», в терминологии [Robert 1991; Perrin 2005] — «перфект») в атлантическом языке **волоф**, которая с «индивидуальными» глаголами («качествами») выражает длящееся в момент речи состояние (71), а с другими имеет типологически стандартную перфектную семантику (69)–(70).

- (69) Волоф
wasin na
рожать 3SG.PRF
 ‘Она **родила**’. [Robert 1991: 45]

- (70) Волоф
gis nga ko
видеть 2SG.PRF он.ACC
 ‘Ты его **видел**?’ [Robert 1991: 39]

- (71) Волоф
ndox mi tàng na
 вода DEF быть_горячим 3SG.PRF
 ‘Эта вода **горячая**’. [Robert 1991: 52]

Другим сравнительно хорошо описанным примером являются многие языки банту (см. [Аксенова 1997: 92–93]), рассмот-

(75) Хауса
naa ji
 PRF.1SG слышать
 ‘Я слышу’. [Щеглов 1970: 51]

(76) Хауса
naa sani
 PRF.1SG знать
 ‘Я знаю’. [Щеглов 1970: 51]

(77) Хауса
naa rantse
 PRF.1SG клясться
 ‘Я клянусь’. [Щеглов 1970: 51]

Случай перфектной формы, имеющей имперфективную интерпретацию с референцией к настоящему с более широким кругом несобытийных глаголов, как стативных (79), так и динамических (80), включая перформативные (81) (но в зависимости от более тонких деталей их акциональной семантики — см. подробнее [Шлуинский 2008b]), представляет собой терминатив²³ с показателем *bara* в языке **сусу** семьи манде, с существенно бóльшей частью глагольной лексики имеющий перфектную семантику (78).

(78)²⁴ Сусу
m bara fa
 1SG TRMN **приходить**
 ‘Я уже **пришел**’.

(79) Сусу
m bara gaxo bare yara
 1SG TRMN **бояться** собака перед
 ‘Я уже **боюсь** собаки’.

²³ Термин предложен в [Аксенова 1997: 104] (применительно к сусу — в [Плунгян, Урманчиева 2006]) для перфектных форм, имеющих, помимо собственно перфектной семантики, дополнительный семантический компонент ‘уже’ (‘раньше ожидаемого’). С точки зрения обсуждаемой проблематики, по-видимому, нет принципиальных различий между терминативом и собственно перфектом. Отметим, что обсуждаемая форма сусу имеет данный семантический компонент как в случае перфектной интерпретации, так и в случае презентной.

²⁴ Приводимые здесь примеры сусу (78)–(81) получены автором при работе с носителем У. Камара в Москве в 2004 г.

(80) Сусу

m bara wa

1SG TRMN плакать

‘Я уже **пла́чу**’.

(81) Сусу

m bara yi di uʒre xili fi n

я TRMN этот ребенок маленький имя **дать** я

tara ta

старший_брат к

‘Я **даю** этому ребенку имя моего старшего брата’.

Помимо разобранных нами «центральных» случаев перфектно-статальной/прогрессивной полисемии, следует упомянуть и два более периферийных случая — перфективный претерит с имперфективной интерпретацией с референцией к настоящему у узкого идиосинкратического класса глаголов и результативно-статальную полисемию.

Первый из этих случаев может рассматриваться как своего рода «вырожденный» вариант форм, представляющих перфектно-статальную/прогрессивную полисемию. Речь идет о претериальных формах, диахронически восходящих к перфекту, но синхронно имеющих дистрибуцию перфективного прошедшего, не обязательно как-либо соотносимого с моментом речи, и имеющих аномальное имперфективное значение с референцией к настоящему от нескольких глаголов. Классическим примером формы такого рода является Perfectum в **латинском** языке, дистрибуция которого в первую очередь включает общие перфективные контексты с референцией к прошлому. Как известно, имеется также ряд т. н. «недостаточных» глаголов, у которых форма «Перфекта» обозначает длящуюся ситуацию в настоящем — в [Соболевский 1999 (1948): 203] таких глаголов четыре: *novi* ‘знать’, *memini* ‘помнить’, *odi* ‘ненавидеть’, *consuevi* ‘иметь обыкновение’. Очевидно, что данные четыре глагольных лексемы не объединены каким-либо естественным семантическим признаком, так как имеются и глаголы с очень близкой семантикой, у которых длящаяся ситуация в настоящем выражается стандартной формой Презенса (ср. *odi* ‘ненавидеть’ и *amo* ‘любить’; *novi* ‘знать’ и *scio* ‘знать’), но, разумеется, не случайно, что все они являются глаголами, обозначающими «качества». Параллель (характеризуемая

автором как «неточная») между фактативом и претерито-презентными формами древних индоевропейских языков проводится в [Marchese 1986: 30]. Действительно, как и в случае фактатива, речь идет о форме, имеющей два типа видо-временной референции — перфективной с референцией к прошлому и имперфективной с референцией к настоящему — в зависимости от того, от какого глагола эта форма образована. Главное содержательное отличие здесь состоит в том, что если в случае фактатива речь идет о двух относительно равнозначных классах глаголов, противопоставленных друг другу по какому-то относительно ясному семантическому признаку, то в случае претериальных форм такого типа — об открытом классе «нормальных» глаголов и об очень небольшом закрытом классе глаголов «аномальных»²⁵. При этом, учитывая, что, как мы уже многократно отмечали, естественная языковая классификация глагольной лексики имеет конкретноязыковой характер, безусловно, для проведения границы между этими двумя случаями вряд ли могут быть предложены какие-либо формальные критерии.

Второй более периферийный случай — результативно-статальная полисемия (в терминах [Плунгян 2011: 403], «инкомплетив») — отстоит от фактатива дальше, чем рассматривавшаяся здесь перфектно-презентная (собственно, поскольку результа-

²⁵ Их «аномальность» подчеркивается еще и тем, что речь идет о глаголах морфологически дефектных — например, у приведенных латинских глаголов, как известно, в принципе отсутствует форма Презенса и ряд других морфологических возможностей. Но морфологические ограничения типологически более чем характерны для «индивидуальных» глаголов — так, часть «индивидуальных» глаголов эве, имеющих имперфективную интерпретацию фактатива (см. 2.1), не допускают сочетания с прогрессивом, выражающим имперфективное значение в остальных случаях (см. подробнее [Шлуинский 2008a]), а за пределами проблематики фактатива запрет на сочетание прогрессива с «индивидуальными» глаголами известен во множестве языков, начиная с английского. Морфологическая редуцированность, таким образом, не препятствие для логической возможности рассматривать латинский «Перфект» как фактатив, распределенный по признаку «стадиальности» vs. «индивидуальности» с оговоркой, что в латинском языке лишь названные четыре глагола концептуализированы как «индивидуальные», а значит, эта возможность может быть отвергнута лишь на более интуитивных основаниях.

тив, как правило, рассматривается как диахронический источник перфекта, и в данном случае речь идет отчасти о диахронически предшествующей стадии). Имеются в виду формы, видо-временная референция которых всегда имперфективная и синхронная точке отчета, но при этом с частью глагольной лексики данная конструкция выражает фазу результирующего состояния, наступающего после описываемого ситуацией моментального резкого изменения, а с частью — фазу «естественного» состояния или процесса, непосредственно составляющего семантику данного глагола. Ярким примером является конструкция на *-p tur-* в ряде тюркских языков — например, **карачаево-балкарском** (см. подробнее [Недялков, Недялков 1987; Лютикова и др. 2006: 362–402]). Так, в карачаево-балкарском (черекский говор) примере (82), где данная конструкция образована от событийного глагола, описывается одновременная моменту результирующая фаза ситуации, а в (83), где употреблен несобытийный стативный глагол, — также одновременная моменту речи основная фаза ситуации.

(82)²⁶ Балкарский

alim eřik-ni ac-ip tur-a-di
Алим дверь-ACC открывать-CONV стоять-IPFV-3SG
‘Алим **открыл** дверь / дверь **открыта** Алимом’.

(83) Балкарский

kerim zuqla-p tur-a-di
Керим спать-CONV стоять-IPFV-3SG
‘Керим **спит**’.

Подводя итоги, можно сказать, что во всех рассмотренных случаях перфектно-статальной/прогрессивной полисемии в выборе интерпретации формы или конструкции задействованы те же факторы акционального значения, что и в случае фактатива — событийность, динамичность, «стадиальность» vs. «индивидуальность». При этом, чем уже круг глаголов, у которых эта форма или конструкция описывает в имперфективном ракурсе основную длящуюся фазу ситуации — «естественное» состояние или процесс, — тем более он идиосинкратичен. Заметим, что именно эта идиосинкратичность и отличает от фактатива случаи, особенно близкие

²⁶ Приводимые здесь карачаево-балкарские примеры (82)–(83) получены от носителей языка в рамках Балкарской экспедиции МГУ 2002 г.

к нему по другим параметрам, когда неочевидно более естественное различие в наличии у претериальных употреблений данной формы дополнительной перфектной или подобной ей семантики.

4. Заключение

Итак, в настоящей работе была рассмотрена видо-временная межъязыковая категория фактатива — «базовая» глагольная форма, имеющая перфективную интерпретацию с референцией к прошлому и имперфективную интерпретацию с референцией к настоящему, в зависимости от лексических свойств глагола, от которого она образована. Мы показали, что известные примеры глагольных систем с фактативом естественно делятся на два класса — те, в которых интерпретация фактатива зависит напрямую от акциональных свойств глагола, и те, в которых интерпретация фактатива связана с собственно видовой характеристикой, заданной в силу принадлежности глагольной лексемы к определенному видовому классу. В первом случае имеется дальнейший ряд возможностей в зависимости от того, какой именно акциональный параметр оказывается ключевым — событийность vs. несобытийность глагола, его динамичность vs. стативность или его принадлежность к классу «стадиальных» предикатов («явлений») vs. «индивидуальных» («качеств»). Во втором случае интерпретация всегда зависит от перфективного vs. имперфективного видового ракурса, но сам этот ракурс может быть задан различными способами: как покрывающая всю глагольную лексику словоклассифицирующая категория собственно вида, при помощи деривационных аспектуальных показателей, при помощи аспектуальных показателей, имеющих собственную позицию в предикации.

Далее мы рассмотрели две группы форм, проявляющих существенное сходство с фактативом как в том, какая видо-временная референция у них в принципе возможна, так и в том, какие лексические факторы могут влиять на ее выбор. Первая из этих групп — «небудущее время» — отличается от фактатива тем, что факторы выбора видо-временной референции там имеют нежесткий характер предпочтительных интерпретаций. Вторая — перфектно-презентная полисемия и подобные ей случаи — наличием перфектной семантики и/или идиосинкратичностью выбора «маргинальных» глаголов, предопределяющих более нестандарт-

ную интерпретацию. Отметим, что и фактатив, и данные два случая встраиваются в общий более широкий ряд «вариативных» аспектуальных категорий, зависящих от лексических свойств глагола — ср. обсуждение в [Csirmaz 2004].

В заключение хотелось бы обратить внимание на то, что видо-временные формы, относящиеся либо к той или иной разновидности фактатива, либо к другим обсуждавшимся здесь случаям, представлены в существенно большем количестве языков мира, чем те, материал которых рассматривался в данной работе — так, подобные категории засвидетельствованы, например, в ирокезском языке сенека [Holmer 1954: 34–36], в языке манамбу группы сепик [Aikhenvald 2008: 254–255], в языке каярдилд семьи пама-ньюнга [Evans 1995: 256–257], в чадском языке ангас [Jungraithmayr, Holubová 2009: 162–166], в неклассифицированном австралийском языке вамбая [Nordlinger, Bresnan 1996] и многих других, но всякая из них требует более детального исследования — как и, впрочем, многие более изученные обсуждавшиеся здесь случаи. Автору остается надеяться, что представленная здесь сугубо предварительная типология будет полезна в качестве ориентира в дальнейших изысканиях.

Сокращения²⁷

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ABS — абсолютив; ACC — аккузатив; ART — артикль; CL — показатель согласовательного класса; CONV — деепричастие; CORE — показатель ядерной именной группы; DECL — показатель декларативного предложения; DEF — показатель определенности; DIM — диминутив; DUR — дуратив; FAC — фактатив; INCH — инхоатив; IND — индикатив; INDEF — показатель неопределенности; INTR — показатель непереходности; IPFV — имперфектив; LOC — локатив, локативная частица; NOM — номинатив; NONFUT — небудущее время; NSBJ — несубъектная местоименная серия; OBL — показатель косвенной именной группы; PFV — перфектив; PREP — предлог; PRF — перфект; PTCL — частица; R — реалис; S — субъектная серия лично-числовых показателей; SG — ед. число; SS — совпадение субъектов (same-subject); TR — показатель переходности; TRMN — терминатив.

²⁷ В тех случаях, когда цитируемый нами пример заимствован из источника, использующего поморфемное глоссирование, сокращения унифицированы нами (но с сохранением авторского морфемного членения и содержательной интерпретации морфем).

Литература

- Агбоджо 1986 — К. О. Агбоджо. Глагол и предикат в изолирующем языке (на материале языка эве). Дисс. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 1986.
- Агбоджо, Литвинов 1989 — К. О. Агбоджо, В. П. Литвинов. Выражение множественности ситуаций в языке эве // В. С. Храковский (ред.). Типология итеративных конструкций. Л.: Наука, 1989.
- Аксенова 1997 — И. С. Аксенова. Категории вида, времени и наклонения в языках банту. М.: Наука, 1997.
- Аксенова, Топорова 2002 — И. С. Аксенова, И. Н. Топорова. Грамматика языка аква. М.: УРСС, 2002.
- Булыгина 1982 — Т. В. Булыгина. К построению типологии предикатов в русском языке // О. Н. Селиверстова (ред.). Семантические типы предикатов. М.: Наука, 1982.
- Выдрин 2010 — В. Ф. Выдрин. «Нейтральный вид» в дан-гуэта и акциональные классы // Вопросы языкознания, 5, 2010.
- Герасимов 2010 — Д. В. Герасимов. Видо-временная система парагвайского гуарани: сфера действия и порядок показателей // Вопросы языкознания, 4, 2010.
- Гусев — В. Ю. Гусев. Аспект в нганасанском языке // Настоящий сборник. Иосад и др. 2005 — П. В. Иосад, А. Г. Пазельская, М. А. Цюрупа. Типологически значимые параметры глагольной лексики: имперфективирующие деривации ненецкого языка // В. И. Подлесская и др. (ред.). Четвертая типологическая школа. М.: РГГУ, 2005.
- Казакевич 2008 — О. А. Казакевич. К вопросу о моделях описания селькупской глагольной деривации // В. А. Плунгян, С. Г. Татевосов (ред.). Исследования по глагольной деривации. М.: Языки славянских культур, 2008.
- Кузнецова и др. 1980 — А. И. Кузнецова, Е. А. Хелимский, Е. В. Грушкина. Очерки по селькупскому языку. М.: Изд-во МГУ, 1980.
- Лютикова и др. 2006 — Е. А. Лютикова, С. Г. Татевосов, М. Ю. Иванов, А. Г. Пазельская, А. Б. Шлуинский. Структура события и семантика глагола в карачаево-балкарском языке. М.: ИМЛИ РАН, 2006.
- Недялков, Недялков 1987 — И. В. Недялков, В. П. Недялков. Карачаево-балкарская глагольная форма на -б/-п тур-а со значениями настоящего и прошедшего времени (в сравнении с формами на -б тур-а/тур-иб в узбекском языке) // А. М. Мухин и др. (ред.). Лингвистические исследования 1987. Функционально-семантические аспекты грамматики. М.: ИЯз АН СССР, 1987.
- Падучева 1985 — Е. В. Падучева. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М.: Наука, 1985.
- Панфилов 1965 — В. З. Панфилов. Грамматика нивхского языка. Ч. 2. М.; Л.: Наука, 1965.

- Плунгян 2003 — В. А. Плунгян. Африканские глагольные системы: заметки к типологии // В. А. Виноградов, И. Н. Топорова (ред.). Основы африканского языкознания. Глагол. М.: Восточная литература, 2003.
- Плунгян 2011 — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011.
- Плунгян, Урманчиева 2006 — В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева. К описанию глагольной системы языка сусу (в сопоставлении с джалонке) // Исследования по языкам Африки 2005. М.: ИЯЗ РАН, 2006.
- Соболевский 1999 (1948) — С. И. Соболевский. Грамматика латинского языка. Ч. 1. Морфология и синтаксис. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1948. Переизд.: СПб.: Летний сад, 1999.
- Терещенко 1947 — Н. М. Терещенко. Очерк грамматики ненецкого (юрако-самоедского) языка. Л.: Государственное учебно-педагогическое изд-во, 1947.
- Терещенко 1973 — Н. М. Терещенко. Синтаксис самодийских языков. Л.: Наука, 1973.
- Терещенко 1979 — Н. М. Терещенко. Нганасанский язык. Л.: Наука, 1979.
- Хелимский 1994 — Е. А. Хелимский. Очерк морфонологии и словоизменительной морфологии нганасанского языка // Таймырский этнолингвистический сборник. Вып. 1. Материалы по нганасанскому шаманству и языку. М.: РГГУ, 1994.
- Шлуинский 2006 — А. Б. Шлуинский. Типология «небудущего времени» и лексическое значение глагола // В. С. Храковский и др. (ред.). Проблемы типологии и общей лингвистики. Международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения проф. А. А. Холодовича. СПб.: Нестор-История, 2006.
- Шлуинский 2008a — А. Б. Шлуинский. Акциональные типы глаголов в языке эве // В. А. Виноградов (ред.). Основы африканского языкознания. Лексические подсистемы. Словообразование. М.: Academia, 2008.
- Шлуинский 2008b — А. Б. Шлуинский. Акциональность глаголов языка сусу и ее взаимодействие с показателем *bara* // Е. И. Зеленев и др. (ред.). Востоковедение и африканистика в университетах Санкт-Петербурга, России и Европы. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008.
- Щеглов 1970 — Ю. К. Щеглов. Очерк грамматики языка хауса. М.: Наука, 1970.
- Яковлева 1963 — В. К. Яковлева. Язык йоруба. М.: Изд-во восточной литературы, 1963.
- Aikhenvald 2008 — A. Y. Aikhenvald. The Manambu language of East Sepik, Papua New Guinea. Oxford: Oxford University Press, 2008.

- Bamgboṣe 1966 — A. Bamgboṣe. *A grammar of Yoruba*. Cambridge: Cambridge university press, 1966.
- Bohnmeyer, Swift 2004 — J. Bohnmeyer, M. Swift. *Event realization and default aspect // Linguistics and philosophy 27, 2004.*
- Carlson 1977 — G. Carlson. *Reference to kinds in English*. Ph.D. diss. Amherst: Univ. of Massachussets, 1977.
- Childs 1995 — G. T. Childs. *A grammar of Kisi*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1995.
- Cloarec 1972 — F. Cloarec. *Le verbe Banda*. Paris: CNRS, 1972.
- Comrie 1985 — B. Comrie. *Tense*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.
- Csirmaz 2004 — A. Csirmaz. *Aspect and aspect change crosslinguistically // L. Hunyadi, G. Rákosi, E. Tóth (eds.). Preliminary papers of LOLA 8. Debrecen, 2004.*
- Dixon 1972 — R. M. W. Dixon. *The Dyirbal language of North Queensland*. Cambridge: Cambridge University Press, 1972.
- Donohue 1999 — M. Donohue. *A grammar of Tukang Besi*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1999.
- Ebert 1995 — K. Ebert. 1995. *Ambiguous perfect-progressive forms across languages // P. M. Bertinetto et al. (eds.). Temporal reference, aspect and actionality. Vol. 2. Torino: Rosenberg & Sellier, 1995.*
- Ebert 1997 — K. Ebert. *Camling (Chamling)*. München; Newcastle: LINCOM Europa, 1997.
- Emenanjo 1987 — E. N. Emenanjo. *Elements of modern Igbo grammar*. Ibadan: University Press Limited, 1987.
- Evans 1995 — N. D. Evans. *A grammar of Kayardild*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1995.
- Fortescue 1984 — M. Fortescue. *West Greenlandic*. London: Croom Helm, 1984.
- Gore 1926 — E. C. Gore. *A Zande grammar*. London: The Sheldon press, 1926.
- Green, Igwe 1963 — M. M. Green, G. E. Igwe. *A descriptive grammar of Igbo*. Berlin: Akademie Verlag, 1963.
- Haiman 1980 — J. Haiman. *Hua: a Papuan language*. Amsterdam: John Benjamins, 1980.
- Holmer 1954 — N. M. Holmer. *The Seneca language*. Upsala: A.-B. Lundequistska Bokhandeln, 1954.
- Jóhannsdóttir, Matthewson 2008 — K. Jóhannsdóttir, L. Matthewson. *Zero-marked tense: the case of Gitxsan // Proceedings of NELS-37. Vol. 1, 2008.*
- Jungraihtmayr, Holubová 2009 — H. Jungraihtmayr, M. Holubová. *Ngas (Angas): the verbal system // P. Zima (ed.). The verb and related areal features in West Africa. München: LINCOM Europa, 2009.*
- Katschmann 2008 — M. Katschmann. *Chrestomatia nganasanica*. Norderstedt, 2008.

- Klumpp 2005 — G. Klumpp. Aspect markers grammaticalized from verbs in Kamas // *Acta Linguistica Hungarica* 52, 4, 2005.
- Künnap 1978 — A. Künnap. System und Ursprung der kamassischen Flexionssuffixe. Vol 2. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen, 1978.
- Lichtenberk 2008 — F. Lichtenberk. A grammar of Toqabaqita. Vol. 2. Berlin: Mouton de Gruyter, 2008.
- Marchese 1986 — L. Marchese. Tense/aspect and the development of auxiliaries in Kru languages. Arlington: SIL, 1986.
- Maslova 2003a — E. Maslova. A grammar of Kolyma Yukaghir. Berlin: Mouton de Gruyter, 2003.
- Maslova 2003b — E. Maslova. Tundra Yukaghir. München: LINCOM Europa, 2003.
- Newman 2000 — P. Newman. The Hausa language: An encyclopedic reference grammar. New Haven: Yale University Press, 2000.
- Njie 1982 — C. M. Njie. Description syntaxique du Wolof de Gambie. Dakar etc.: Nouvelles éditions africaines, 1982.
- Nordlinger, Bresnan 1996 — R. Nordlinger, J. Bresnan. Nonconfigurational tense in Wambaya // *Proceedings of the LFG Conference*. Stanford: CSLI Publications, 1996.
- Nurse et. al. Ms. — D. Nurse, J. Hewson, S. Rose. Verbal categories in Niger-Congo. Ms. <http://www.mun.ca/linguistics/nico/index.php>
- Perrin 2005 — L.-M. Perrin. Des représentations du temps en wolof. Thèse ... docteur en sciences du langage. Paris: Université Paris 7, 2005.
- Robert 1991 — S. Robert. Approche énonciative du système verbal: le cas du wolof. Paris: CNRS, 1991.
- Salminen 1997 — T. Salminen. Tundra Nenets inflection. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1997.
- Tonhauser 2006 — J. Tonhauser. The temporal semantics of noun phrases: evidence from Guarani. Ph.D. Diss. Stanford, Stanford University, 2006.
- Tonhauser 2009 — J. Tonhauser. Is Paraguayan Guarani a tenseless language? // *Proceedings of semantics of under-represented languages of the Americas (SULA)* 5, 2009.
- van der Voort 2004 — H. van der Voort. A grammar of Kwaza. Berlin: Mouton de Gruyter, 2004.
- Ward 1952 — I. C. Ward. An introduction to the Yoruba language. Cambridge: W. Heffer & Sons, 1952.
- Welmers 1973 — W. E. Welmers. African language structures. Berkeley: University of California press, 1973.
- Westermann 1907 — D. Westermann. Grammatik der Ewe-Sprache. Berlin: Dietrich Reimer, 1907.